

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ В НАУЧНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. Н. ЩЕПКИНА

Развитие отечественной философской и исторической мысли в конце XIX — в начале XX вв. (и конкретно, формирование взглядов Е. Н. Щепкина), происходило в тесной связи с деятельностью западноевропейских научных школ и направлений, существенно обогативших методологические концепции ученых и значительно расширивших диапазон их исследовательских интересов. И если во второй половине XIX века непосредственное влияние на научное мировоззрение оказывали идеи позитивизма (на позитивистской теоретико-методологической основе «воспитывалось» целое поколение известных историков; в Московском университете — П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев и т. д., в том числе и Е. Н. Щепкин), то начало XX века в отечественной историографии определяется как период смены «ведущих позиций одного методологического течения другим»¹, методологической переориентацией от классического позитивизма к неокантианству. Позитивизм, оказавший сильное воздействие на развитие гуманитарных областей знания, подвергся серьезной критике и коренному пересмотру, вызванному изменениями не только в экономической, социально-политической, идеологической, психологической областях существования общества, но и прогрессом самой исторической науки. «Так на заре XX столетия история в сущности удовлетворила запросы современного человечества, всецело втянутого в экономическую, социальную и расовую борьбу», — полагал Е. Н. Щепкин².

«Напряженное и сосредоточенное внимание Евгения Николаевича к вопросам исторической методологии было одним из характерных свойств его научного мирозерцания», — подчеркивал впоследствии профессор А. В. Флоровский³. Наряду со многими идеалистическими течениями, занимавшимися поисками нового методологического обоснования специфики исторического познания, особый интерес у Е. Н. Щепкина вызывали создатели баденской (фрейбургской) школы неокантианства Вильгельм Виндельбанд (1848—1915) и Генрих Риккерт (1863—1936), изложившие главные положения неокантианской концепции в работах: «История и естество-

знание» (1894) и «Границы естественно-научного образования понятий» (1896), теоретически продемонстрировавшие особенности исторического познания и методов «наук о человеке».

На выявление особенного, индивидуального, неповторимого в истории (посредством «идеографического» метода) ориентированы наиболее перспективные направления современного исторического знания, акцентирующие свое внимание на психологические основы практического поведения людей изучаемой эпохи. «Психологический аспект исторического исследования,— пишет А. Я. Гуревич,— необходимая его сторона, отвечающая природе истории»⁴.

Риккертская классификация наук стала основополагающей для теоретических построений Е. Н. Щепкина, но наиболее сильное влияние на его методологические позиции оказала школа психологов и «притом психологов с оттенком волюнтаризма»,— отмечал сам ученый⁵. «Все здание истолкования исторической жизни зиждется по преимуществу на постулатах суждения по субъекту и деятельности сообразно воли и цели, т. е. на психологии индивидуального и коллективного духа; его по справедливости надо назвать психологическим толкованием»⁶. Видными представителями этого направления были Христоф Зигварт (1830—1904); Георг Зиммель (1858—1918), основоположник формальной социологии; и Вильгельм Вундт (1832—1920), один из основателей экспериментальной психологии.

«Лишаючись в основном идеалистом і еkleктиком,— писал о Е. Н. Щепкине профессор К. П. Добролюбский,— він вже той час приділяв велику увагу економічним і соціальним відносинам»⁷. Допуская, что конечные этапы отдельных звеньев исторического процесса предопределяются экономическими факторами и мотивами, Евгений Николаевич признавал, что более позднее или более раннее наступление такого конечного этапа, осуществление его именно в данное время и в определенном месте обуславливается психикой народа и его выдающихся руководителей, их разумом и волей. «Следуя приемам подмеченным в «институте для исследования Австрийской истории» в Вене, Е. Н. в практический курс методологии истории вводит не только всестороннее изложение частных критического метода, но и краткий обзор вспомогательных наук истории, а именно средневековой палеографии, хронологии, дипломатики»⁸.

Используя различные приемы и методы, Е. Н. Щепкин

обосновывает свои теоретические взгляды (в очень ярком и живом изложении с многочисленными примерами из области астрономии, ботаники, зоологии, криминалистики, физики и т. д.)⁹ в сохранившихся курсах лекций, прочитанных профессором в Имп. Новороссийском университете и на Одесских высших женских курсах (ОВЖК).

Еще во время своего годовичного пребывания на кафедре всеобщей истории в Нежинском историко-филологическом институте в 1897/98 учебном году, Е. Н. Щепкин читал спецкурс «Характеристика исторического метода». Но уже летом Евгений Николаевич оставил Нежин и переехал в Одессу, где с осеннего полугодия 1898 г. начал свою преподавательскую деятельность в университете, а затем и на ОВЖК.

В Новороссийском университете Е. Н. Щепкин разработал новый теоретический и практический курс «Методологии истории», используя при этом труды западноевропейских ученых: Э. Бернгейма (Ernst Bernheim. Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie) — это новое 4-е издание, «обновленное идеями Зигварта, Зиммеля, Вундта, Барта, Мюнстерберта»; В. Вундта (W. Wundt. Logik) — «его учение о методах все еще остается лучшим очерком Логики истории»; Г. Зиммеля (G. Simmel. Die Probleme der Geschichtsphilosophie); историка экономического направления Э. Селигмана (E. Seligman. The Economic Interpretator of History), «выступавшего за торжество экономических задач в историографии»; представителя позитивистской историографии во Франции Ш. Сеньобоса, написавшего «труд об историческом методе в социальных науках» (Ch. Seignobos. La Methode Historique appliquee aux Sciences Sociales), а также П. Барта, А. Ксенопола, работу Н. О. Лосского «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» (СПб., 1903 г.) и других исследователей¹⁰.

Свою первую лекцию «Историческая методология» Е. Н. Щепкин прочел в 1900/01 учебном году на историко-филологическом факультете Новороссийского университета для студентов исторического отделения V—VIII семестров. В дальнейшем экстраординарный профессор Е. Н. Щепкин два часа в неделю читал теоретический курс «Методологии истории» в 1902/03, 1904/05 учебные годы (до увольнения из университета в 1906 г.) и в 1917/18 учебном году, после возвращения на кафедру¹¹. Слушательницы Одесских высших женских курсов, желающие приобрести право на преподавание в женских гимназиях ведомства Министерства народного

просвещения, на лекциях Евгения Николаевича изучали «Методологию истории» (с 1913/14 учебного года), «Методику преподавания истории (схему исторической жизни)» (с 1916/17 учебного года); «Основные вопросы философии истории» (в 1914/15, 1915/16 учебные годы)¹².

«Вдумчивое и серьезное отношение Е. Н. Щепкина к вопросам методологии истории весьма благоприятно отразилось на методах его преподавания, которое как видно из литографированных курсов его стоит на высоте, удовлетворяющей требованиям и запросам научности, доступности, ясности», — писал в отзыве о трудах магистра Е. Н. Щепкина профессор М. Г. Попруженко¹³. Кроме основных работ, в которых ученый защищал ту историографическую школу, к постулатам которой он примкнул (Предисловие к кандидатской диссертации «Русско—Австрийский союз во время Семилетней войны. 1746—1758 гг.»; «Речь произнесенная 20.01.1903 в Московском университете перед защитой диссертации» и др.), в научной библиотеке ОГУ сохранились в литографированном виде курсы лекций, непосредственно касающиеся методологии истории (это 38 лекций и статья «Идея Психологии народов», без года издания со штампом библиотеки ОВЖК). Методологии и философии истории посвящены курсы лекций: «Новой истории Западной Европы» (составлены слушательницами исторического отделения ОВЖК в 1903—1904 академическом году); «Истории средних веков» (составлены на ОВЖК слушательницами IV курса в 1908—1909 академическом году); «История философии Генриха Риккерта» (в личном фонде Е. Н. Щепкина в Государственном архиве Одесской области) и т. д.

«Первая задача методологии истории, — такими словами начинал свой курс лекций по методологии истории Е. Н. Щепкин, — определить место истории среди других дисциплин научного знания. Науки можно различать по содержанию, по объектам изучения, но для методологии важнее различие в методах... историю и нужно отмежевать от соседних наук по ее методу»¹⁴. Мир бесконечно разнообразен и велик и только путем «упрощения» материала, непосредственно воспринимаемого из внешнего мира, возможен познавательный процесс. Методы и есть приемы для упрощения исторического материала, составляющие «главный предмет методологического знания». Ученый выделяет три основных метода (естественно — научный, исторический и статистический) и, по примеру представителей баденской школы, две группы наук: номо-

графические (устанавливающие общие законы) и идиографические («устанавливающие особенности предмета во времени и пространстве бесконечного комплекса событий»), а между ними «лежит обширная промежуточная полоса», которую Г. Риккерт называл «относительно — исторической», а Е. Н. Щепкин предпочел термин В. Виндельбанда — «относительно» — идиографическое знание». «Где нет места ни для опытной индукции, ни для статистического метода, — утверждал Е. Н. Щепкин, — там остаются особые приемы, которые и называются историческим методом»¹⁵.

На основе краткой обработки части курса методологии истории, прочитанном в Новороссийском университете и ОВЖК, Е. Н. Щепкиным была написана статья «Вопросы методологии истории», изданная отдельно в 1905 г. и напечатанная в том же году в Летописи Историко-филологического общества. Данная работа состоит из двух частей: «Психологическое толкование исторических фактов» и «Значение идей в истории». Подчеркивая тезис о том, что «история имеет дело с человеческой деятельностью», ученый рассматривает в ней четыре основных принципа «всякого психологического понимания»¹⁶ и приемы для «установления психологической связи между событиями» с помощью психологии, «изучающей механизм познания вообще, и ценность людских высказываний, свидетельских показаний в частности». Считая, что историческая жизнь и историческая наука не имеют никаких особых законов¹⁷ и сам историк не в состоянии ничего предсказать с достоверностью, он объяснял уже наступившее событие, пытаясь установить между предыдущими и последующими фактами «психологически понятной для нас связи», прослеживая в событиях действия психологических законов. «Для исторической науки в пределах знания, способного быть общеубедительным, — писал Е. Н. Щепкин, — особенно плодотворно было то течение философской мысли XIX в., которое старалось понять идеи с чисто психологической точки зрения, как силы, доступные, имманентные миру ощущений»¹⁸.

Таким образом, отмечал Л. В. Черепнин, — «понятие объективного исторического закона автор заменил понятием целепологающего исторического процесса, движущими силами которого являются психические мотивы как отдельных людей, так и человеческого коллектива»¹⁹.

Несмотря на «крайне идеалистические, субъективные позиции»²⁰ Е. Н. Щепкина, его исследования остаются важным

источником не только для понимания характера воззрений самого ученого, его идей, взглядов, концепций, но и для изучения общей тенденции процесса формирования и становления в системе высшего исторического образования методологии истории как самостоятельного курса теоретического характера.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Рамазанов С. П. Кризис буржуазной исторической науки: сущность и периодизация//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1990. С. 165.

2. Щепкин Е. Н. Вопросы методологии истории://Летопись историко-филологического общества ИНУ. 1905. Т. 12. С. 275.

3. Флоровский А. В. Памяти Е. Н. Щепкина//Народное просвещение. 1922. № 6—10. С. 69.

4. Гуревич А. Я. История и психология//Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 7.

5. Щепкин Е. Н. Речь, произнесенная перед защитой диссертации//Записки Новороссийского университета. 1903. Т. 94. С. 74.

6. Щепкин Е. Н. Вопросы методологии истории. С. 297.

7. Добролюбский К. П. Профессор — коммунист Е. М. Щепкин//Молодая гвардия. 1940. 3 грудня. № 156. С. 3.

8. Доброклонский А. П. Биография и деятельность Е. Н. Щепкина//Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 46. С. 12—13.

9. Е. Н. Щепкин считал, что «только путем упрощения возможно непосредственно созерцаемый в мире материал, непосредственно данное в ощущениях переработать в систему научного знания», а для упрощения жизни нужно сравнивать ее с простыми явлениями в области азартных игр, в которых «знание и предвидение переплетаются со случайностями». — См.: Щепкин Е. Н. Курс методологии. Б. м., б. г. С. 10.

10. См.: Щепкин Е. Н. Вопросы методологии истории. С. 278.

11. Обзорение преподавания в ИНУ за 1900—1901, 1902—1903, 1904—1905 acad. гг. Одесса.

12. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 16 (1918). С. 93.

13. ГАОО. Ф. 334. Оп. 3. Дд. 7539, 7654, 7657, 7658.

14. Попруженко М. Г. Отзыв о трудах магистра Е. Н. Щепкина//ГАОО. Оп. 4. Д. 2702. С. 204.

15. См.: Щепкин Е. Н. Курс методологии. С. 1.

16. Там же. С. 21.

17. «Наблюдения и предположения, которые пока еще не поддаются доказательству относительно своей общеобязательности и общеприложимости, но которые должны быть приняты как постулаты, без признания их окружающая жизнь стала бы недоступной для познания и понимания». См.: Щепкин Е. Н. Вопросы... С. 280. «История не точна для теоретического построения естественных законов, но обладает достаточной приблизительной точностью для того, чтобы, как сама жизнь, ложится, на правах фактического материала к нормам, в основание практической деятельности человека». См.: Там же. С. 307.

18. Там же. С. 312.

19. Черепнин Л. В. Очерки истории исторической науки в СССР./Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1963. Т. 3. С. 260.

20. Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования.//История СССР. 1962. № 6. С. 92.

Л. С. ПОХИЛА

КУЛІШ ОЧИМА М. ДРАГОМАНОВА

Питання про взаємовідносини між М. П. Драгомановим та П. О. Кулішом — видатними українськими мислителями, діячами національного відродження України тривалий час не повертало до себе уваги дослідників, джерельна база для вивчення цього питання, в якій на першому місці стоять твори М. Драгоманова та П. Куліша, особливо рецензії М. Драгоманова на твори П. Куліша¹, значно поповнилась внаслідок публікації на рубежі XIX—XX ст. листування між ними та різними іншими громадськими та культурними діячами². В 30-х роках О. Лотоцький знайшов в особистому архіві М. Драгоманова та надрукував 36 листів до нього П. Куліша³. Це суттєво розширило джерельну основу вивчення даної теми.

Можна виділити кілька аспектів в оцінці М. Драгомановим творчої та громадської діяльності П. Куліша. Це—оцінка історичних поглядів П. Куліша, його поглядів на шляхи українського національного відродження та визначення ролі П. Куліша в цьому процесі.

Серед історичних праць П. Куліша М. Драгоманов високо цинив його статтю «Перший період козацтва од його початку до ворогування з ляхами»⁴, яку він вважав «однією з найліпших наукових праць, які писано по історії України!»⁵. Він вважав за необхідне захистити від ніщивної критики з боку багатьох українських діячів історичну монографію П. Куліша «Историю Воссоединения Руси», показавши не тільки її слабкі сторони, але й позитивні здобутки⁶.

Принципові непогодження викликали у М. Драгоманова стаття П. Куліша «Козаки по отношению к государству и обществу»⁷ та історична монографія П. Куліша «Отпадение Малороссии от Польши», якій він відмовляв в історичності⁸.

В статті «Чудацькі думки про українську національну справу», оглядаючи стан національних справ в Україні в контексті європейської історії та пропонуючи свою програму національного розвою українців, М. Драгоманов зупинявся на стані розвитку української історичної науки. За-